Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.А. Беляев

Философия Рудольфа Эйкена

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 5. С. 627-645 .

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Философія Рудольфа Эйкена *).

5. *Жизненная система интеллектуализма.* Отъ натурализма Эйкенъ обращается къ другой жизненной системѣ—интеллектуализму, выступающей въ современной жизни рядомъ съ первой.

Въ то время какъ натурализмъ имѣетъ исходный пунктъ въ природѣ, усматривая въ послѣдней подлинную реальность, интеллектуализмъ беретъ исходнымъ пунктомъ дѣятельность мысли и въ ней видитъ типъ такой подлинной реальности. Впрочемъ, интеллектуализмъ, въ обширномъ смыслѣ слова, не составляетъ полной противоположности натурализму: онъ не превращаетъ всей полноты бытія въ мыслительный процессъ, подобно тому какъ натурализмъ превращаетъ его въ процессъ природы. Значенія такой полной противоположности натурализму интеллектуализмъ достигаетъ въ своей крайней формѣ, которой Эйкенъ даетъ спеціальное названіе *ноэтизма.* Ноэтизмъ дѣйствительно все сводитъ къ процессу мысли и кромѣ мысли не знаетъ никакой другой реальности [1]).

Интеллектуализмъ, въ широкомъ смыслѣ, имѣетъ долгую исторію и занимаетъ видное мѣсто въ духовной жизни человѣчества. Его возникновеніе восходитъ къ Сократу, учившему, какъ извѣстно, о совпаденіи добродѣтели съ знаніемъ [2]). Христіанская догматика, средневѣковая схоластика, современныя интеллектуалистическія теченія, къ которымъ слѣдуетъ отнести и критицизмъ Канта, представляютъ собою дальнѣйшія характерныя проявленія интеллектуализма [3]).

*) Продолженіе. См. апрѣль.

[1]) Die Einheit, стр. 63. [2]) Тамъ же, стр. 64.

[3]) Тамъ же, стр. 64—67.

Ноэтизмъ не такъ распространенъ, слишкомъ рѣзко расходясь съ обычнымъ воззрѣніемъ; однако и у ноэтизма никогда не было недостатка въ послѣдователяхъ. Къ числу ихъ принадлежатъ Плотинъ, представители средневѣковой спекулятивной мистики и новѣйшей спекулятивной философіи [1]). Сила ноэтизма въ его послѣдовательности: послѣдовательный интеллектуализмъ неизбѣжно приходитъ къ ноэтизму [2]).

Какъ мы уже видѣли, по взгляду Эйкена, на возникновеніе и развитіе натуралистической жизненной системы оказала вліяніе наука. Воздѣйствіемъ науки же объясняетъ Эйкенъ и происхожденіе жизненной системы интеллектуализма; и для послѣдней, какъ и для первой, наука послужила образцомъ, или типомъ. Но въ то время, какъ характеръ натуралистической системы обусловливался содержаніемъ наукй, характеръ интеллектуализма опредѣляется формою науки, тѣмъ, что наука есть познаніе и мышленіе [3]). Дѣло въ томъ, что познаніе, мышленіе есть весьма характерная и обращающая на себя вниманіе дѣятельность. Его основные элемены находятся между собою въ отношеніи полнаго взаимодѣйствія, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ мышленіи «единый общій процессъ идеально обнимаетъ всѣ отдѣльныя операціи, находясь въ непрерывномъ прогрессирующемъ теченіи» [4]). Въ то же время мышленіе и познаніе отличается характеромъ необходимости, характеромъ независимости отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ желаній и интересовъ. Особенно въ новѣйшее время научное познаніе пріобрѣло полную автономію, занявъ позицію, возвышающуюся не только надъ отдѣльными индивидуумами, но и надъ всѣмъ человѣчествомъ. «Предметное содержаніе изслѣдованія и человѣческое хотѣніе вступаютъ въ рѣзкое противорѣчіе между собою, и представляется величіемъ и достоинствомъ существованія забыть о всемъ человѣческомъ въ интересахъ истины» [5]).

Результатомъ такой достигшей полной автономіи работы мысли является систематизація понятій, строгая объективность познанія и превращеніе дѣйствительности въ царство чисто идеальныхъ величинъ. Указанные результаты находятся между собою въ тѣсной зависимости. Систематизація всей дѣйствительности достигается не иначе, какъ чрезъ измѣненіе самаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 67. [2]) Тамъ же. [3]). Тамъ же, стр. 68.
[4]) Тамъ же. [5]) Тамъ же, стрр. 69—71.

содержанія послѣдней, поскольку какъ природа, такъ и духъ опредѣляются болѣе правильно, чѣмъ это можно сдѣлать на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія. Удаленіе же отъ этого непосредственнаго впечатлѣнія, въ свою очередь, приводитъ къ построенію дѣйствительности изъ чисто идеальныхъ элементовъ. «При такомъ превращеніи, понятія вовсе не означаютъ какихъ-либо сокращеній или сочетаній наглядныхъ образовъ; но являются какъ первоначальныя и самостоятельныя силы; онѣ суть не абстрактныя, т. е. полученныя изъ единичныхъ вещей, чрезъ постепенное выдѣленіе ихъ общихъ свойствъ, представленія, но идеальныя величины, силы sui juris, положенія (Thesen), которыя къ истинѣ вещей, повидимому, стоятъ несравненно ближе, чѣмъ все содержаніе чувственнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ самостоятельны, какъ автономно дѣйствуютъ руководящія понятія новѣйшей науки, понятія, въ родѣ закона и развитія, силы и матеріи, субъекта и объекта, свободы и природы!» [1])

Но, очевидно, знаніе на этомъ не можетъ остановиться. Знаніе стремится къ полному постиженію вещей, стремится къ тому, «чтобы воспріять ихъ до основанія въ мыслительный процессъ». Но у него нѣтъ никакой гарантіи за то, что это стремленіе находитъ для себя соотвѣтствующее осуществленіе. Такую гарантію наука получила бы въ томъ случаѣ, если бы она развилась въ творческое, чисто спекулятивное мышленіе, т. е. если бы она силою своего собственнаго развитія производила весь свой матеріалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую дѣйствительность. И въ новое время наука дѣйствительно пыталась возвыситься до степени такого абсолютнаго мышленія и адэкватнаго познанія. При этомъ эти попытки были предприняты изъ двухъ различныхъ исходныхъ пунктовъ, гдѣ дѣятельность мышленія имѣетъ безспорно адэкватный характеръ, изъ математики и логики. Первымъ путемъ шли философы-математики, каковы Кеплеръ и Лейбницъ, второй путь былъ избранъ Гегелемъ [2]).

Въ силу этихъ своихъ свойствъ научное познаніе, научное мышленіе пріобрѣло выдающееся значеніе для современнаго человѣчества, сообщивъ всей его жизни интеллектуалистическій характеръ, иначе сказать, породивъ своеобразную жизненную систему интеллектуализма. Къ такому преобразо-

[1]) Тамъ же, стрр. 71—73. [2]) Тамъ же, стрр. 73—77.

ванію жизни человѣчество вынуждалось самою силою вещей, естественнымъ ходомъ своего историческаго развитія. На первыхъ стадіяхъ культуры человѣкъ руководился въ своемъ жизнеповеденіи нѣпосредственными показаніями своихъ чувствъ и слѣпо подчинялся силѣ внѣшняго авторитета. Усумнившись въ первыхъ и потерявъ вѣру въ непогрѣшимость второго, человѣкъ, естественно, долженъ былъ обратиться къ самому себѣ, къ дѣятельности собственнаго мышленія, ибо только мышленіе, съ его характеромъ общеобязательности и необходимости, могло дать человѣку и извѣстный запасъ убѣжденій и практическое руководство [1]). Въ силу этого теорія, теоретическій элементъ во всѣхъ областяхъ современной жизни пріобрѣтаетъ господствующее, руководящее значеніе [2]).

Это господство интеллектуалистической стихіи должно было, естественно, повести къ коренному преобразованію всего традиціоннаго порядка жизни, при чемъ въ послѣднемъ, естественно, должны были найти для себя выраженіе тѣ же моменты, которыми характеризуется развитіе современнаго знанія, т. е. моменты систематизаціи, объективности и идеализаціи.

Моментъ систематизаціи сказывается въ характерномъ для современной жизни стремленіи опредѣлить все изъ извѣстнаго единства, изъ извѣстнаго принципа. Это стремленіе характеризуетъ какъ отдѣльныя области человѣческой жизни, каковы политика, воспитаніе и т. д., такъ и всю совокупность ихъ, при чемъ въ роли всеобъединяющаго принципа выступаетъ идея культуры [3]).

Моментъ объективности, стоящій въ тѣсной связи съ первымъ, находитъ себѣ выраженіе въ отграниченіи и выдѣленіи подлиннаго духовнаго процесса отъ субъективно-человѣческихъ его проявленій. Самое понятіе духа измѣняется, и вмѣсто представленія о послѣднемъ, какъ мірѣ чисто субъективныхъ переживаній, какъ онъ открывается непосредственному сознанію, создается понятіе объективной жизни, отличной отъ субъективныхъ переживаній и постигаемой лишь умственно [4]).

Въ этомъ второмъ моментѣ скрывается уже третій—идеализація духовнаго существованія. Какъ мы только что видѣли,

---

[1]) Тамъ же, стрр. 77—78. [2]) Тамъ же, стр. 79.
[3]) Тамъ же, стрр. 80—82. [4]) Тамъ же, стрр. 83—86.

объективный характеръ за духовною жизнью обезпечивается чрезъ устраненіе изъ всѣхъ ея областей всего чувственнаго и чрезъ приданіе всѣмъ ея элементамъ чисто идеальнаго характера. Это обращеніе къ идеальному, къ принципамъ и идеямъ характеризуетъ не только такія области, гдѣ рѣчь идетъ о внутреннихъ проблемахъ духа, но совершается и въ такихъ сферахъ жизни, какъ политика и соціальная жизнь [1]).

Но всѣ эти преобразованія жизни въ духѣ интеллектуализма являются вполнѣ обоснованными и защищенными отъ всѣхъ возраженій и сомнѣній лишь на почвѣ ноэтизма, т. е. подъ условіемъ возведенія мыслительнаго процесса въ значеніе всеобъемлющаго творческаго процесса, включающаго въ себя «все». Непослѣдовательный же интеллектуализмъ, допускающій наличность другой, независимой отъ мысли дѣйствительности, неизбѣжно встрѣчается съ возраженіемъ, что, можетъ быть, въ отмѣченныхъ выше результатахъ мыслительной работы мы имѣемъ дѣло съ призрачными, фиктивными созданіями [2]).

Эйкенъ старается доказать, что для такого возведенія дѣйствительности къ абсолютному мыслительному процессу имѣются весьма вѣскія основанія въ фактическомъ развитіи культурной жизни.

Разсматривая это развитіе въ его цѣломъ, мы, по мнѣнію Эйкена, можемъ въ немъ констатировать всѣ свойства интеллектуальной дѣятельности, начиная общими и мало характерными и кончая специфическими и характернѣйшими.

1) Прежде всего, культурная жизнь человѣчества представляется въ видѣ процесса. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ тремъ признакамъ: a) культурная жизнь человѣчества отличается характеромъ постояннаго и всеобъемлющаго измѣненія; b) это измѣненіе является прогрессивнымъ; c) въ этомъ измѣненіи однако сохраняется извѣстное единство сущности [3]).

a) Фактъ постояннаго измѣненія составлялъ существенный

[1]) Тамъ же, стр. 86—90. [2]) Тамъ же, стрр. 90—91.

[3]) Очевидно, терминъ „процессъ“ имѣетъ у Эйкена болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ въ обычномъ словоупотребленіи. Можно сказать, что подъ процессомъ Эйкенъ разумѣетъ процессъ идеальнаго совершенства, почему понятіемъ процесса у него предполагается не только всестороннее измѣненіе, но и прогрессивный характеръ этого измѣненія, а также наличность въ немъ внутренняго единства и внутренней связи.

моментъ натурализма. Только натурализмъ оказался недостаточно послѣдовательнымъ, ограничивъ процессъ измѣненія различными комбинаціями основныхъ элементовъ и признавъ за этими послѣдними характеръ неизмѣняемости. Но нѣтъ никакихъ основаній дѣлать для нихъ такое исключеніе; необходимо признать, что и то, чему натурализмъ приписываетъ значеніе первичныхъ элементовъ, захвачено процессомъ непрерывнаго измѣненія [1]).

b) Что культурная жизнь человѣчества имѣетъ прогрессивный характеръ и прогрессъ ея простирается въ безконечность, это составляетъ основное убѣжденіе современнаго человѣчества. Такое убѣжденіе не есть заблужденіе, ибо оно есть выраженіе и результатъ идеи безконечности, открывающейся и дѣйствующей внутри нашего собственнаго существа [2]).

c. Наконецъ, цѣлостный, единый характеръ всей культурной жизни человѣчества находитъ для себя подтвержденіе въ несамостоятельности индивидуума, въ его зависимости отъ духа эпохи, отъ господствующихъ вѣяній и т. п. [3]).

2. Проявляясь, какъ процессъ, совпадая съ интеллектуальной дѣятельностію въ этомъ, такъ сказать, родовомъ признакѣ, культурная жизнь человѣчества является, далѣе, съ чертами духовности; короче сказать, она оказывается не только процессомъ, но процессомъ духовнымъ. Этотъ духовный характеръ культурной жизни Эйкенъ видитъ въ типичномъ для нашей эпохи стремленіи осознать процессъ жизни во всемъ его цѣломъ, пережить прошедшее, какъ настоящее. Проявленіе такого стремленія Эйкенъ усматриваетъ преимущественно въ философіи исторіи, а затѣмъ въ наукѣ, искусствѣ, государствѣ и соціальной жизни [4]).

3. Наконецъ, культурная жизнь человѣчества обнаруживаетъ въ своемъ развитіи такія свойства, по которымъ она

---

[1]) Die Einheit, стрр. 93—94. [2]) Тамъ же, стрр. 95—96.

[3]) Тамъ же, стрр. 97—98.

[4]) Тамъ же, стрр. 98—100. Здѣсь намѣчается собственная точка зрѣнія Эйкена на сущность духа и духовной жизни. Какъ мы увидимъ, конечное понятіе духа поставляется Эйкеномъ въ связь съ понятіемъ личности и духовная жизнь у него ближайшимъ образомъ опредѣляется, какъ жизнь личная, но подъ личностію онъ разумѣетъ не эмпирическую личность, а личность, такъ сказать, умопостигаемую. Съ эмпирической личностью она совпадаетъ лишь въ томъ, что, подобно послѣдней, отличается внутреннимъ единствомъ, единствомъ центра.

должна быть признана не только духовнымъ, но именно интеллектуальнымъ процессомъ. Прогрессъ культурнаго развитія состоитъ въ углубленіи непосредственно даннаго содержанія жизни, а это углубленіе ведетъ къ устраненію всего чувственнаго, нагляднаго и къ разрѣшенію дѣйствительности въ чисто идеальныя отношенія. Самый внѣшній міръ на извѣстной культурной ступени теряетъ самостоятельный и самодовлѣющій характеръ и превращается въ орудіе дѣятельности духа. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и для чисто научнаго воззрѣнія матерія и вообще матеріальное начало отодвигается на второй планъ или даже совершенно устраняется. Для современной науки то, что называется обыкновенно матеріей, есть не что иное, какъ совокупность отношеній и силъ [1]).

Таковы основанія въ пользу производимаго ноэтизмомъ возведенія интеллектуальнаго процесса въ значеніе процесса универсальнаго, всеобъемлющаго и единственнаго.

Разрѣшая все содержаніе дѣйствительности въ мыслительный процессъ, интеллектуализмъ при этомъ достигаетъ весьма ощутительныхъ реальныхъ результатовъ, примиряя противоположности (антиноміи), раздирающія человѣческую жизнь. «Восходя отъ наиболѣе общихъ понятій бытія къ понятіямъ, выражающимъ специфическую природу духа, мы можемъ указать слѣдующія три пары таковыхъ противоположностей: единство—множество, покой—движеніе; матерія—форма, внутреннее—внѣшнее; добро—зло, посюстороннее—потустороннее». Всѣ перечисленныя противоположности находятъ для себя опредѣленное разрѣшеніе въ принципахъ интеллектуализма и подчиняются основному единству мыслительнаго процесса [2]).

Итакъ общая картина духовной жизни, съ точки зрѣнія интеллектуализма, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Духъ, точнѣе, духовный процессъ, есть въ своей сущности нѣчто первоначальное, не поддающееся дальнѣйшему опредѣленію; формально его можно охарактеризовать какъ процессъ творчества (Schaffen) [3]).

По своему объему и характеру, духъ есть всеобъемлющее, находящееся въ непрерывномъ движеніи бытіе. Правда, различіе между духомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и природой въ интеллектуализмѣ остается; однако подъ природой здѣсь нужно

---

[1]) Die Einheit, стрр. 100—104.
[2]) Тамъ же, стрр. 105—108.
[3]) Тамъ же, стрр. 109—110.

разумѣть не внѣшній міръ, а все то, что еще не возведено къ высшимъ потенціямъ духа, но что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни, будетъ вовлечено въ духовный жизненный процессъ [1]).

Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ должно произойти радикальное измѣненіе понятія дѣйствительности: дѣйствительнымъ, реальнымъ, съ точки зрѣнія интеллектуализма, представляется то, что подчиняется необходимости мысли, что входитъ, въ качествѣ необходимаго члена, въ цѣпь логическаго процесса. Это приводитъ къ разрыву съ индивидуальнымъ сознаніемъ, съ эмпирическою личною жизнію индивидуума; послѣдняя уже ни въ коемъ случаѣ не можетъ дать надежнаго критерія дѣйствительности [2]).

Интеллектуализмъ соотвѣтствующимъ образомъ выражается во всѣхъ частныхъ областяхъ духовной жизни.

Особенно сильно его вліяніе на науку. Оно касается опредѣленія задачи науки, ея метода и границъ. Задача науки опредѣляется, какъ чистое знаніе. Для интеллектуализма истина—идея идей, и наука должна служить исключительно истинѣ; какія-либо практическія и служебныя цѣли въ отношеніи науки интеллектуализмомъ принципіально отвергаются. Что касается метода науки, то, соотвѣтственно природѣ интеллектуализма, онъ долженъ быть дедуктивно-синтетическій, а не индуктивно-аналитическій. Наконецъ, границы науки въ интеллектуализмѣ раздвигаются весьма широко. Наука, съ точки зрѣнія интеллектуализма, познаетъ самую сущность вещей и, съ этой стороны, не отличается отъ философіи [3]).

Вліяніе интеллектуализма въ области этики сказывается тѣмъ, что послѣдняя ставитъ своей задачей регулировать уже не отношенія одного индивидуума къ другому, но указываетъ должное отношеніе индивидуума къ цѣлому, къ объективному разуму [4]).

Сущность религіи для интеллектуализма, въ силу его монистическаго характера, уже не можетъ заключаться въ установленіи отношенія къ высшему міру или къ абсолютной личности. Задача религіи для интеллектуализма заключается въ живомъ напоминаніи человѣку, склонному къ погруженію во временное и конечное, о вѣчности и безконечности всего про

---

[1]) Тамъ же, стр. 110—111.
[2]) Die Einheit, стрр. 111—112.
[3]) Тамъ же, стрр. 114—115.
[4]) Тамъ же, стр. 116.

цесса. Преслѣдуя эту задачу, религія развивается въ пантеизмъ [1]).

Въ искусствѣ вліяніе интеллектуализма выражается преобладаніемъ идейной стороны надъ формою [2]).

Въ области соціальной интеллектуализмъ ведетъ къ тому, что основная соціальная задача усматривается въ идеальномъ освобожденіи человѣка чрезъ просвѣщеніе ума, при чемъ носителемъ этого движенія представляется не индивидуумъ, а все человѣчество. Что касается самого индивидуума, то онъ, съ точки зрѣнія интеллектуализма, долженъ быть изучаемъ не психологически (психологія, такимъ образомъ, не находитъ себѣ признанія въ системѣ интеллектуализма), но космологически, какъ членъ цѣлаго мірового процесса [3]).

6. *Критика натурализма.* Таковы двѣ жизненныхъ системы, присутствіе которыхъ констатируется Эйкеномъ въ духовной жизни современнаго человѣчества. Одновременное дѣйствіе этихъ противоположныхъ жизненныхъ системъ сказывается въ противорѣчіяхъ, свойственныхъ переживаемой исторической эпохѣ [4]). Эта путаница жизненныхъ направленій усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что историческія силы, отвергаемыя и натурализмомъ и интеллектуализмомъ, тѣмъ не менѣе продолжаютъ жить и дѣйствовать. Для примѣра будетъ достаточно сослаться на религію, не нашедшую себѣ полнаго признанія не только въ натурализмѣ, но и въ интеллектуализмѣ, или на Кантовскую мораль, съ ея идеею личнаго долга, также не мирящуюся съ основами ни той ни другой жизненной системы [5]).

Выходъ изъ этой путаницы можетъ быть найденъ лишь чрезъ критику обѣихъ жизненныхъ системъ. Какъ мы уже знаемъ, по взгляду Эйкена, эта критика должна быть не спекулятивной и логической, а исходить изъ фактовъ и оперировать съ послѣдними [6]).

Какъ указывалось выше, критика имѣетъ своею задачею провѣрить претензіи каждой жизненной системы на абсолютный и всеобъемлющій характеръ. По отношенію къ той и другой жизненной системѣ долженъ быть, прежде всего,

---

[1]) Тамъ же, стрр. 116—117. [2]) Тамъ же, стр. 117.
[3]) Тамъ же, стрр. 117—118. [4]) Тамъ же, стр. 132.
[5]) Тамъ же, стрр. 133—134.
[6]) Тамъ же, стр. 136; срвн. выше. апрѣль, стр. 505.

поставленъ вопросъ, обнимаетъ ли каждая изъ нихъ всю область дѣйствительности, нѣтъ ли въ наличной жизни такихъ силъ, которыя не находятъ въ нихъ себѣ мѣста, хотя и имѣютъ всѣ признаки реальности? [1]). Результатъ долженъ быть особенно уничтожающимъ, если будетъ показано, что эти не находящія себѣ признанія внутри системы силы тѣмъ не менѣе дѣйствовали и дѣйствуютъ въ ней и имѣютъ существенное значеніе для ея основныхъ результатовъ. Какъ разъ къ такому выводу приводитъ насъ разсмотрѣніе натурализма.

Натурализмъ, какъ мы знаемъ, не признаетъ за духовною дѣятельностью самостоятельнаго и первичнаго значенія, видя въ ней результатъ осложненія процесса природы. Между тѣмъ, если обратить вниманіе на возникновеніе признаваемой натурализмомъ дѣйствительности, то мы убѣдимся, что здѣсь имѣло мѣсто участіе духовной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что признаваемая натурализмомъ дѣйствительность не есть нѣчто данное, но пріобрѣтена, завоевана именно дѣятельностію духа [2]). Такимъ образомъ, духовная дѣятельность оказывается тою силою, которая произвела признаваемую натурализмомъ дѣйствительность.

Далѣе, натурализмъ признаетъ все субъективное, все внутреннее производнымъ, видя въ немъ результатъ превращенія актуальнаго движенія въ потенціальное. Между тѣмъ, безъ первоначальнаго различенія субъекта отъ объекта невозможно бы было познаніе природы, какъ самостоятельнаго цѣлаго, противостоящаго субъективному существованію [3]).

Наконецъ, натурализмъ считаетъ дѣятельность мышленія за результатъ постепеннаго утонченія чувственныхъ датъ, видя въ этихъ послѣднихъ основу всякой духовной дѣятельности. Однако тѣ чувственныя даты, которыя признаются натурализмомъ за подлинную реальность, не имѣютъ ничего общаго съ первобытнымъ наивно-чувственнымъ воззрѣніемъ. Чтобы порвать съ этимъ послѣднимъ и перейти къ признаваемой натурализмомъ «чистой чувственности», очевидно, была необходима дѣятельность мысли. «Допустимъ даже, что чистая чувственность могла бы въ предѣлахъ своей области получиться

---

[1]) Реальный характеръ за противопоставляемыми критикуемой жизненной системѣ силами обезпечивается при помощи пріемовъ редукціи и диремціи (стр. 138—140; срвн. выше, апрѣль, стр. 504).

[2]) Die Einheit, стрр. 142—145. [3]) Тамъ же, стр. 145.

безъ всякаго участія мышленія,—доступъ въ этой области нельзя найти иначе, какъ при помощи мысли; ея дѣятельность является даже постоянно необходимой, дабы отразить непрерывно продолжающійся натискъ со стороны міра призрачной дѣйствительности» [1]).

Такимъ образомъ, натурализмъ долженъ признать, что, по крайней мѣрѣ, переходъ отъ наивнаго жизнепониманія къ жизнепониманію натуралистическому совершился такими силами, которыя не умѣщаются въ границахъ натурализма. «Чрезъ это натурализмъ подвергается ограниченію своей области, онъ долженъ терпѣть подлѣ себя нѣчто другое и, въ качествѣ своей необходимой основы, признавать его столь же несомнѣннымъ, какъ самого себя; онъ не можетъ уже болѣе выступать, какъ исключительная и самопонятная система» [2]).

Но этого мало: духовная дѣятельность не только является необходимымъ предварительнымъ условіемъ натурализма, но и составляетъ его внутреннюю движущую силу [3]).

Какъ мы знаемъ, исходнымъ пунктомъ и образцомъ для жизненной системы натурализма послужило естествознаніе. И вотъ, если мы вникнемъ въ сущность научной работы естествознанія, то убѣдимся, что она совершается силою духовной дѣятельности. Научную работу, совершаемую естествознаніемъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя представить въ видѣ «накопленія и наслоенія элементовъ безъ всякихъ регулирующихъ принциповъ духовнаго происхожденія». Переходъ къ научному воззрѣнію совершился путемъ радикальнаго разрыва съ наивною точкою зрѣнія, съ міромъ непосредственныхъ ощущеній. Все это было признано неподлиннымъ, субъективнымъ. За субъективными качествами были открыты движенія первичныхъ элементовъ, и изъ этихъ движеній пытались объяснить дѣйствительность. Ясно, что здѣсь дѣло не могло обойтись безъ мыслительной дѣятельности. Самая идея объективной дѣйствительности, скрывающейся за субъективнымъ міромъ непосредственныхъ ощущеній, не могла бы возникнуть, если бы человѣкъ былъ только чувственнымъ существомъ, если бы дѣятельность мысли не составляла первичной принадлежности его природы [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 145. [2]) Тамъ же, стр. 146.
[3]) Тамъ же. [4]) Тамъ же, стрр. 147—149.

Далѣе, порывая съ непосредственнымъ міромъ ощущеній, наука сводитъ всю реальность къ совокупности первичныхъ силъ и отношеній между ними. Но оба эти понятія вовсе не даты наблюденія, а произведенія мышленія [1]).

Эта мыслительная дѣятельность находитъ себѣ выраженіе на всѣхъ трехъ ступеняхъ научной работы: и въ анализѣ даннаго, и въ установкѣ законовъ, и въ формулировкѣ синтетической идеи развитія. Равнымъ образомъ лишь дѣятельностію мысли устанавливается связь между всѣми этими моментами научной работы [2]).

Вообще чисто теоретическая, творческая работа играетъ въ научномъ познаніи природы весьма важную роль. Кропотливому анализу здѣсь обычно предшествуетъ синтезъ—созданіе гипотезъ и построеніе теорій [3]).

Такимъ образомъ, духовная дѣятельность, какъ своеобразный и характерный процессъ, натурализмомъ не устраняется. Напротивъ, натурализмъ является весьма яркимъ свидѣтельствомъ въ пользу этой дѣятельности: натурализмъ ясно показалъ, что духъ можно изгнать не иначе, какъ съ помощью духа же [4]).

Если сущность совершаемой въ естествознаніи работы представляется иначе, чѣмъ ее понимаетъ натурализмъ, то въ иномъ свѣтѣ должно выступить для насъ и все произведенное натурализмомъ движеніе. Сущность этого движенія состоитъ не въ истолкованіи духовной жизни въ терминахъ природы, а напротивъ, въ расширеніи духа до совпаденія съ міромъ. Натурализмъ правъ, ведя борьбу противъ всего субъективнаго и антропоморфическаго и стремясь къ объективной дѣйствительности. Но онъ не правъ, представляя эту дѣйствительность, этотъ объективный міръ, какъ нѣчто противоположное индивидууму, съ чѣмъ у послѣдняго нѣтъ ничего общаго и въ чемъ онъ долженъ исчезнуть, угаснуть. Уже одно одушевляющее человѣка стремленіе къ такому объективному міру показываетъ, что человѣкъ имѣетъ съ нимъ внутреннюю, тѣсную связь. Безспорно, «что міръ и человѣческій духъ не являются чуждыми одинъ другому, но что духъ въ самомъ себѣ носитъ задатки міра и въ процессѣ исторіи дѣйствительно

---

[1]) Тамъ же, стрр. 149—150. [2]) Тамъ же, стр. 150.
[3]) Тамъ же, стрр. 151—152.
[4]) Тамъ же, стр. 154; срвн. Grundlinien, стрр. 24—25.

расширяется до совпаденія съ нимъ». Такъ получается понятіе духа, въ которомъ находитъ себѣ примиреніе противоположность отдѣльной души и міра и дается основаніе для новаго ноологическаго метода при рѣшеніи философскихъ проблемъ [1]).

Соотвѣтственно этому, въ иномъ видѣ представляются и тѣ существенные этапы, чрезъ которые проходитъ натуралистическая система. Какъ мы знаемъ, ея первымъ этапомъ является анализъ, разложеніе всѣхъ областей жизни на первичные элементы, на первичныя силы. Но этотъ анализъ не могъ совершиться безъ участія мысли. Самое стремленіе къ такому анализу является для натурализма необъяснимымъ. Но этого мало: все это движеніе, направленное къ разложенію слитнаго на его простые элементы, имѣетъ въ своей основѣ извѣстную синтетическую идею цѣлаго, проникнуто извѣстными общими идеями и интересами. Особенно ясно это можно видѣть на примѣрѣ соціальной жизни: «Порядокъ, ставящій въ основѣ духовной жизни исключительно индивидуальныя силы и переносящій всякое движеніе въ индивидуумы, по свидѣтельству исторіи, отвоевалъ свои позиціи лишь въ ожесточенной борьбѣ съ традиціоннымъ укладомъ жизни. Онъ не могъ бы ни принять, ни выдержать этой борьбы, если бы онъ долженъ былъ дѣйствовать лишь силою тѣхъ преимуществъ, которыя онъ обѣщаетъ отдѣльной личности, какъ именно таковой. Ибо то, что отдѣльная личность въ благопріятномъ случаѣ могла пріобрѣсти въ этой борьбѣ, никогда не можетъ сравниться съ жертвами и опасностями, приносимыми натискомъ на упрочившіяся учрежденія, и укоренившіяся силы... Если должно было возникнуть движеніе, направленное на освобожденіе единичныхъ силъ, то идеаломъ должно явиться общее состояніе самостоятельной жизни, повышеннаго развитія силы, и должны были найтись люди, которые бы направили дѣятельность своей жизни на достиженіе этого идеала, должны были существовать надъиндивидуальныя величины и надъиндивидуальные интересы» [2]).

Эти упорядочивающіе и связующіе принципы являются постоянно дѣйствующими силами, внося единство и жизнь въ отношенія первичныхъ элементовъ и силъ. Нужно только остерегаться понимать эти объединяющія силы, какъ уже

[1]) Die Einheit, стрр. 155—161. [2]) Тамъ же, стрр. 161—164.

вполнѣ готовыя и законченныя. Единство, которое здѣсь имѣется въ виду, отличается идеальнымъ характеромъ и при своемъ фактическомъ осуществленіи подлежитъ процессу развитія. О наличности такого рода единства свидѣтельствуютъ всѣ области жизни. Вездѣ можно констатировать такія сочетанія, такія образованія, которыя нельзя объяснить простымъ сложеніемъ первичныхъ элементовъ. Такъ, напримѣръ, въ психологіи воспріятіе трудно свести на простое сочетаніе ощущеній, не говоря уже объ общемъ представленіи и понятіи [1]). Если отъ отдѣльныхъ сферъ жизни мы обратимся ко всей совокупности ея сторонъ, то и здѣсь мы будемъ въ состояніи отмѣтить нѣкоторое всеобъемлющее единство, нѣкоторое центральное ядро, нѣчто похожее на «я» индивидуальнаго сознанія (Selbst) [2]). Наконецъ, въ пользу синтетическаго характера жизни свидѣтельствуетъ историческій процессъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть понятъ, какъ результатъ комбинацій основныхъ элементовъ въ пространствѣ и времени. Вмѣсто такого чисто механическаго сложенія элементовъ мы видимъ въ немъ радикальные перевороты, рѣзкіе переходы; кратко сказать, историческая жизнь имѣетъ творческій характеръ [3]).

Результатъ, къ которому привела насъ критика перваго момента натурализма, даетъ указанія относительно оцѣнки второго: если бытіе не можетъ быть сведено къ первичнымъ элементамъ, то ясно, что нельзя и все дѣйствіе вывести изъ принадлежащаго этимъ элементамъ движенія, изъ присущей имъ силы самоутвержденія [4]). Съ особенной очевидностію эта невозможность открывается въ соціальной области, гдѣ натурализмъ пытается вывести всѣ отношенія изъ разнообразныхъ интересовъ индивидуумовъ. На дѣлѣ интересы индивидуума и общества находятся въ непримиримой противоположности между собой. Здѣсь возможно одно изъ двухъ: или цѣлое должно подчиниться отдѣльной личности, или личность должна подчиниться цѣлому. «Въ послѣднемъ случаѣ получается эгоизмъ, который, выходя далеко за предѣлы сохраненія собственнаго существованія, возводитъ «я» въ значеніе центра всей дѣйствительности и дѣлаетъ всю космическую сторону

---

[1]) Тамъ же, стрр. 164—170.

[2]) Тамъ же, стр. 173. Объ этомъ см. подробнѣе ниже.

[3]) Тамъ же, стрр. 174—175. [4]) Тамъ же, стрр. 177—178.

бытія простымъ средствомъ индивидуальнаго благополучія» [1]). Однако на ряду съ этими эгоистическими тенденціями въ человѣкѣ имѣется движеніе противоположнаго характера, которое и является истиннымъ основаніемъ соціальной жизни. «Человѣкъ не можетъ вполнѣ замкнуться въ свой индивидуальный кругъ и отрѣшиться отъ всякой мысли о томъ, что возникаетъ изъ его дѣятельности за предѣлами его собственнаго состоянія; онъ не можетъ считать за совершенно безразличное то, что лежитъ за предѣлами его я» [2]). Конечно, вмѣстѣ съ этими противоэгоистическими стремленіями продолжаютъ дѣйствовать и эгоистическія; послѣднія съ прогрессомъ культуры даже усиливаются, но въ неменьшей степени усиливаются и первыя. Во всякомъ случаѣ подлинная картина дѣйствительности мало соотвѣтствуетъ той, которая дается натурализмомъ [3]).

Разрѣшая все въ систему отношеній первичныхъ элементовъ и во взаимодѣйствіе присущихъ имъ силъ, натурализмъ, какъ мы знаемъ, одинаково отвергаетъ и чистый субъектъ и чистый объектъ. Что касается перваго, то натурализмъ пытается свести всѣ элементы сознанія на отношеніе человѣка къ средѣ, къ результатамъ его непосредственныхъ соприкосновеній со средой. Но внимательное отношеніе къ жизни показываетъ, что многіе ея продукты не могутъ быть сведены на простое отношеніе элементовъ, а предполагаютъ «участіе центральной работы», т. е. актовъ, исходящихъ непосредственно изъ нашего внутренняго существа. Для доказательства достаточно сослаться на то, что ранѣе говорилось объ участіи дѣятельности мысли въ научномъ познаніи природы [4]). Эта дѣятельность имѣетъ первичный, самостоятельный характеръ, не позволяющій въ немъ видѣть результатъ простого потускнѣнія чувственныхъ датъ. Развитое сознаніе вовсе не образуетъ постепеннаго ряда, такъ что высшая его ступень непосредственно вытекаетъ изъ низшей: единичное представленіе изъ ощущеній, общее представленіе изъ единичныхъ представленій и понятіе изъ общихъ представленій [5]). Каждая изъ этихъ ступеней представляетъ нѣчто новое, сравнительно съ предыдущей, и потому переходъ отъ одной изъ нихъ

---

[1]) Тамъ же, стрр. 180—181. [2]) Тамъ же, стр. 181.
[3]) Тамъ же, стрр. 181—186; срвн. Grundlinien, стрр. 28—29.
[4]) См. выше, стрр. 636—637. [5]) Срвн. выше, стр. 640.

къ другой можетъ совершаться лишь особою дѣятельностію внутренняго характера [1]).

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни эта дѣятельность совершенно освобождается отъ связи съ чувственностью, преобразуетъ эту послѣднюю и даже развиваетъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ свой матеріалъ. Разумѣется, носителемъ этой дѣятельности уже перестаетъ быть непосредственное сознаніе, областію ея дѣйствія служатъ наука и вообще культура. Здѣсь, дѣйствительно, повсюду непосредственные объекты познанія и дѣятельности, выступающіе сначала, какъ нѣчто чуждое духу, затѣмъ, съ прогрессомъ развитія, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе духовный характеръ, становятся идеальными величинами. Такъ, на мѣсто данныхъ объектовъ становятся объекты, созданные творческою силою дѣятельности [2]).

Свое завершеніе внутренняя духовная дѣятельность находитъ въ томъ, что сообщаетъ всей человѣческой жизни нравственный характеръ, а это устраняетъ всякую аналогію съ механическимъ процессомъ, возникающимъ изъ взаимнаго соприкосновенія элементовъ. Отличительная особенность нравственнаго дѣйствованія заключается въ томъ, что при немъ принимается во вниманіе не только внѣшній результатъ, но и внутреннее настроеніе и послѣднее оцѣнивается въ зависимости отъ того, имѣетъ ли оно въ виду интересы цѣлаго или интересы отдѣльнаго индивидуума. Такая оцѣнка возможна не только въ нравственной области, въ строгомъ смыслѣ слова, но является примѣнимой ко всякой дѣятельности, напримѣръ, научной, гдѣ работа движется или стремленіемъ къ чистой истинѣ, или пользою индивидуума, къ художественной, гдѣ надъ мыслію господствуетъ или погруженіе въ содержаніе творчества, или получающійся для субъекта результатъ. Будучи мало замѣтной въ отдѣльномъ индивидуумѣ, въ отдѣльномъ индивидуальномъ сознаніи, эта этическая сторона въ цѣломъ человѣческой жизни становится безспорной силой, сообщая всѣмъ видамъ человѣческой жизни особый, противоположный механизму характеръ [3]).

Если натурализмъ въ концѣ концовъ долженъ признать чистый субъектъ, то то же самое онъ долженъ сдѣлать и от-

---

[1]) Die Einheit, стрр. 186—192.
[2]) Тамъ же, стрр. 192—196; срвн. Grundlinien, стр. 26.
[3]) Die Einheit, стрр. 196—197.

носительно абсолютнаго объекта. Натурализмъ неизбѣжно долженъ придти къ выводу, что міровая жизнь не сводится къ простому процессу измѣненія, среди котораго нѣтъ ничего устойчиваго и постояннаго. Въ самомъ дѣлѣ, провозглашаемый натурализмомъ процессъ измѣненія не могъ бы получить значеніе жизненной силы, если бы надъ нимъ, подлѣ него и въ немъ самомъ не находились извѣстныя неподвижныя величины. Надъ рядомъ безконечныхъ измѣненій господствуетъ идея цѣлаго, о чемъ свидѣтельствуетъ жизненное значеніе, пріобрѣтенное въ новѣйшее время понятіемъ прогресса. Во всемъ развитіи, въ общемъ смыслѣ мірового развитія человѣкъ ищетъ оплота противъ опасностей и нестроеній наличнаго момента. Цѣлостный характеръ процесса, далѣе, указываетъ на то, что рядомъ съ измѣненіемъ въ наличной дѣйствительности дѣйствуютъ постоянные законы, присутствуетъ опредѣленный порядокъ. Наконецъ, и въ нѣдрахъ самого измѣненія необходимо признать наличность постоянныхъ величинъ, постоянныхъ цѣнностей, которыя служатъ для него двигающими и руководящими силами. Такою опредѣляющею направленіе измѣненія цѣнностію не можетъ быть голая идея прогресса, въ смыслѣ возрастанія силы, ибо человѣка могутъ удовлетворить лишь такія цѣнности, которыя обладаютъ опредѣленнымъ содержаніемъ [1]).

Наконецъ, и та универсальная механизація, которая является завершеніемъ натурализма, наталкивается на такіе факты духовной жизни, которые являются прямою противоположностью механизму, прямымъ отрицаніемъ его. Такими фактами въ области теоретической являются формы познавательной дѣятельности и категоріи, а въ области практической цѣлесообразная дѣятельность. Въ первыхъ осуществляется такой синтезъ, который не имѣетъ ничего общаго съ пространственно-временнымъ сочетаніемъ элементовъ: «такъ отдѣльные признаки понятія не просто находятся одинъ подлѣ другого; такъ связь между содержаніемъ понятій въ сужденіи отлична... отъ подлѣположенія представленій, имѣющаго мѣсто при ассоціаціи ихъ [2]); точно такъ же законъ причинности, какъ общій принципъ порядка (Anordnung), въ корнѣ различается отъ чувственнаго подлѣположенія вещей» [3]). Цѣ-

[1]) Тамъ же, стрр. 200—204. [2]) Тамъ же, стрр. 213—214.
[3]) Тамъ же, стрр. 200—204.

лесообразная же дѣятельность, имѣющая въ человѣческой жизни громадное распространеніе [1]), прямымъ образомъ знаменуетъ освобожденіе человѣка изъ-подъ власти мертваго механическаго процесса; благодаря ей, онъ можетъ выбирать, испытывать, подчиняя всю свою жизнь одной идеѣ, единой идеальной величинѣ [2]).

Какъ формы теоретическаго синтеза, такъ и идея цѣли не остаются простыми явленіями индивидуальной жизни; онѣ находятъ для себя особый міръ, въ которомъ онѣ господствуютъ. Этотъ міръ есть царство культуры, создаваемой дѣятельностію человѣка [3]).

Самое культурное движеніе въ его цѣломъ служитъ новымъ свидѣтельствомъ противъ механизма, ибо оно есть не что иное, какъ свободная дѣятельность человѣка, направленная на переработку всего даннаго, всего мертваго въ собственныя и одушевленныя созданія [4]).

Но особенно побѣдоносное преодолѣніе механизма мы имѣемъ въ морали: оцѣнка дѣйствій въ зависимости отъ внутренняго расположенія и настроенія является съ точки зрѣнія механизма совершенно непонятной [5]).

Такова критика, которую Эйкенъ примѣняетъ къ натуралистической жизненной системѣ. Какъ ни радикальна эта критика, однако многое въ системѣ натурализма осталось ею нетронутымъ и признается Эйкеномъ вѣрнымъ и основательнымъ. Натурализмъ, по взгляду Эйкена, правъ, поскольку онъ ищетъ другихъ основаній дѣйствительности, чѣмъ тѣ, которыя доставляются непосредственнымъ ощущеніемъ, а также поскольку онъ стремится обнять всю полноту существованія, хочетъ быть универсальною жизненною системою. Самая тенденція къ механическому объясненію жизни, составляющая специфическую принадлежность натурализма, имѣетъ для себя

---

[1]) Тамъ же, стр. 213—214.

[2]) „Какъ принципъ дѣйствія, цѣль проникаетъ все человѣческое существованіе до послѣднихъ развѣтвленій дѣятельности. Не говоря уже о дѣйствіи, въ строгомъ смыслѣ слова, мы находимъ ея вліяніе въ мыслительной работѣ: развѣ при всѣхъ проблемахъ наши мысли не возбуждаются и не управляются извѣстной цѣлію, развѣ не чрезъ нее лишь наше изслѣдованіе получаетъ вѣрное направленіе, равно какъ и принудительное побужденіе искать средствъ и путей?“ (тамъ же, стр. 215).

[3]) Die Einheit, стр. 215. [4]) Тамъ же, стр. 216.

[4]) Тамъ же, стрр. 216—219. [5]) Тамъ же, стрр. 219—220.

безспорныя основанія въ наличной дѣйствительности, гдѣ механическая игра силъ совершаетъ такую значительную работу [1]). Натурализмъ не правъ только въ томъ отношеніи, что онъ хочетъ обезпечить за механизмомъ универсальное значеніе, пытается все содержаніе культурной жизни объяснить изъ сосуществованія и послѣдовательности первичныхъ элементовъ. Въ силу этого, натурализмъ становится невѣрнымъ и даже вреднымъ направленіемъ, съ которымъ необходимо бороться [2]) *).

В. Бѣляевъ.

---

[1]) Тамъ же, стрр. 235—236. [2]) Тамъ же, стрр. 237—238.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки